

Наталья ИЩЕНКО

Очерк

Соловей в сарае

Моя мать дошла до Берлина, участвовала в Пражской операции и часто рассказывала о том, что пришлось пережить молоденьким девчонкам, призывникам сорок первого года, на поле боя, в полевом госпитале — о том самом «неженском лице» войны.

Из множества разных историй особенно запомнился рассказ о фронтовой любви её подружки.

* * *

Трёхмесячные курсы санинструкторов в сентябре 1941 года дали только первичные медицинские знания. Их было мало. Но возвращаться в полк, где служила санинструктором, Ольга не хотела. Война быстро развеяла романтические представления о ней: приходилось вытаскивать раненых с поля боя, спать на снегу, не мыться неделями, каждый день смотреть в глаза смерти. К тому же, мужики на войне — мужики, только ещё грубее. И выбор о санинструктора был один: или стать «полковой», или валяться пристреленной где-нибудь под кустом. Так что в военной комендатуре Оля сказала медицинскую сестрой.

Молоденький лейтенант, задав несколько вопросов и бегло взглянув на документы, выписал направление в полевой госпиталь, стоявший в Полтаве.

Политрук госпиталя взял направление, и, указав на медсестру, принимавшую раненых, сказал:

— Умойся, переоденься и приступай. Валя, новенькую отдаю под твоё начало. Проверь её в работе, а потом доложи мне.

— Есть! — коротко ответила та, и посмотрела на Олю. — Ну что стоишь? Иди, сдай свои вещи в дезокамеру, помойся и возвращайся. Видишь, сколько раненых.

В приёмном отделении работа простая: первичная обработка ран, перевязки, уколы от столбняка. Всё это было Ольге знакомо. Но работа в госпитальных палатах требовала большего умения: внутривенные уколы, капельницы, гипсование, выполнение назначений врача, чтение рецептов на латыни — всего этого она делать не умела.

Надежда была на Валу. Её приветливое, спокойное лицо располагало к откровенности, и Оля ей во всём призналась. Валя выслушала Ольгу, подумала и сказала:

— Не переживай, помогу. Только будь внимательна, раненые не должны пострадать от твоих манипуляций. Я буду рассказывать и показывать, а ты уж постарайся схватывать, чтобы никто не заметил, что у тебя нет нужной квалификации. Для латыни заведи тетрадку.

Память у Оли была хорошая; стараясь не привлекать внимания, она быстро всему училась, и через месяц никто бы уже не сказал, что девушка не профессиональная медсестра.

Военно-полевой госпиталь специализировался на ранениях опорно-двигательного аппарата. Во время армейских наступлений раненые шли потоком. Хирурги оперировали круглосуточно. Изувеченные войной, страдающие от боли солдаты — без рук, без ног, с ранениями позвоночника — были беспомощны, как малые дети. Они нуждались в постоянном уходе: и лечебные процедуры сделать, и накормить-напоить, подбодрить, даже прикурить самокрутку. Медсестры работали сутками. Хорошо, если удавалось поспать часа три на каком-нибудь тюфячке в углу.

Когда армия стояла в обороне и раненых поступало меньше, госпитальная молодёжь немного приходила в себя, ездила на танцы в соседние воинские части, участвовала в концертах войсковых агитбригад. Они были молоды и хотели жить, ведь на войне никогда не знаешь, какой день будет последним.

Политрук госпиталя не одобрял отлучки и раздражённо выговаривал: «Это вам что, война или гульки? Попробуйте только, не выйдете вовремя в наряд — отдам под трибунал!». Но молодёжь не обращала внимания на его угрозы и при первой возможности уезжала на танцы в соседнюю воинскую часть на грузовике, который присылали знакомые ребята, лечившиеся прежде в госпитале. Бывшие раненые, поставленные медиками на ноги и вернувшиеся снова в строй, испытывали чувство огромной благодарности, писали письма, дарили подарки, влюблялись и объяснялись в любви. Почтальон ругался,

тебя от всех не защитит, да и погибнуть может, что тогда с тобой будет?

— Не отговоришь — даже не пытайся, — твёрдо заявила Валя.

И тут Ольга поняла, что дело зашло слишком далеко.

Главным врачом полевого госпиталя был замечательный хирург и чудесный человек Юлий Евгеньевич, и Ольга рассказала ему о Вале и о том, что она придумала.

Иногда тяжелораненых солдат отправляли в тыловые госпитали для продолжения лечения. Их обычно сопровождал медработник. И Оля попросила поручить это Вале. А лейтенанта, шедшего на поправку, выписать и направить в свою часть. Так и сделали.

Валя вернулась из командировки через неделю. Зайдя в палату, искоса взглянула на пустую Пашину кровать, но промолчала. Только вся напряглась и закусила губу, чтобы не закричать.

— Что случилось? — осторожно спросила Ольга, услышав тревожные нотки.

— Паша ранен и просит о помощи. Попал в какой-то захудалый госпиталь, где за ним никто не ухаживает, не лечит. Он боится гангрены. Надо его забрать. Это недалеко, километров сто, за ночь управимся. Я уговорю водителя грузовика...

Валин порыв был так силен, что никто не мог ей противостоять. Водитель сначала упирался, но потом согласился при условии, что будет письмо из госпиталя о перевозке раненого. Такой бланк у подружки имелся. Она заполнила его, а Ольга написала за главврача. Также Валя подготовила аптечку с лекарствами, потихоньку договорилась с вышедшей на ночное дежурство медсестрой, чтобы она присмотрела за ранеными. Водитель предъявил караульному предписание, и машина благополучно выехала из ворот.

На душе у Оли было беспокойно. В любой момент политрук мог заметить их отсутствие: иногда он ночью отлавливал нерадивых медсестёр или задремавших на посту караульных.

Часа через два грузовик подъехал к месту. Валя предъявила заготовленное предписание. Поляк-врач с трудом понимал девушек, но уловил, что у них находится сын какого-то армейского начальника и без проволочек отвёл их в палату к Павлу.

На бледном лице Паши горел яркий румянец. Он сильно похудел, раны на ногах были сильно запущены. Девушки переложили больного на носилки, перенесли в грузовик и двинулись в обратный путь.

Госпиталь ещё спал, когда машина осторожно въехала во двор. Водитель с Валей занесли носилки в палату и переложили Павла на кровать. Валя отправилась к врачу, чтобы доложить о вновь прибывшем тяжелораненом. Она ещё не вернулась, когда в коридоре раздался громкий голос политрука. Ольга в гимнастёрке и брюках бросилась на свой тюфячок и укрылась простынёй.

Дверь палаты резко распахнулась.

— Встать! — скомандовал политрук. — Где ты была сегодня ночью? Ответь честно, как комсомолка! — потребовал он.

— Ездил за раненым, — глядя ему в глаза, ответила Ольга.

— За каким-таким раненым? За хахалем? — продолжал допытываться он.

Оля молчала, опустив взор.

— Арестована до выяснения обстоятельств. Пойдёшь у меня за самоволку под трибунал! — рявкнул политрук и зло посмотрел на девушку.

Конвойный отвёл медсестру в сарай и закрыл на замок. Ольга прилегла на сено в углу и задумалась.

Отношения с политруком у неё не сложились с самых первых дней. Он попытался как-то ночью стиснуть девушку в тёмном углу, но Ольга его оттолкнула и пригрозила, что доложит начальству. С той поры политрук её возненавидел. Он давно бы нашёл повод отправить девушку в штрафбат, но её защищал главный врач: в палате Оли и Вали и раненые быстрее выздоравливали, и во время операций она уверенно ассистировала, заменяя уставшую операционную сестру. К несчастью, у неё появилась завистница Лида, которая видела, что девушки исчезли, и сообщила об этом политруку.

— Оля, підойди, — раздался шёпот у дверей сарая. Девушка увидела в щели между створками весёлые глаза банщика и истопника украинца дяди Феди, прибывшего к госпиталю после того, как немцы расстреляли всю его семью и сожгли село. — Що, закурилась? Тримай, — дед просунул в щель краюху хлеба, а снизу подсунул бутылку со спиртом. — Не сумуй! Друзі шукають, як захистити тебе, — шептал дед.

— Спасибо, Фёдор Иванович! Я держусь, — поблагодарила она деда. — Передайте Вале, чтобы поговорила с главврачом.

доставляя Ольге с Валей мешки писем.

Однажды в госпиталь поступила новая партия раненых. Ранения были не очень тяжёлые, лишь один молоденький лейтенант по имени Павел потерял много крови, его состояние было критическим. В это время в палате дежурила Валя, и она принялась выхаживать раненого, переливала ему кровь, а когда госпитальной крови его группы не хватило, то она влила ему свою, той же группы. Парень оживал на глазах.

Сначала Валя лишь жалела раненого, но со временем почувствовала, что её неудержимо тянет к нему.

— Ольга, я, кажется, влюбилась, — однажды после смены призналась Валя.

— С ума сошла? — воскликнула Оля. — Какая любовь — ведь война!

Подруга грустно улыбнулась:

— Буду просить, чтобы меня перевели в его часть хоть санинструктором.

— Брось даже думать об этом! — вспыхнула подруга. — Не была ты одна среди мужиков, поэтому так и говоришь. Павлу

— Не переживай, — уговаривала Ольга подружку. — Паша, когда уезжал, обещал писать.

Слёзы выступили на глазах у Вали, но она сдержалась и стремительно вышла из палаты...

* * *

Война с боями шла всё дальше на запад. Одни раненые сменяли других. Работы было невпроворот, и Ольге показалось, что Валя успокоилась, перестала вздыхать и плакать ночами. Паша писал часто. Лицо подружки светлело, когда она читала очередное письмо, улучив минутку, отвечая ему, описывая госпитальные будни, делясь своими чувствами и мыслями.

Прошло ещё полгода. Полевой госпиталь был развёрнут в одном из небольших польских городков, когда Вале пришло очередное письмо. Прочитав его, она побледнела.

— Оля, надо посоветоваться, — обратилась она к подружке.